

Тематические сборники «Переклички вестников»
**Сборник № 84. «И была роковая отрада в попираньи
заветных святынь»**

Выпуск № 290

Александр Пушкин

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

Андрей Белый

Демон

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колеблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыданья. —
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бываю, в полусне,
В тумане городском, меж зданий, —
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани.

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, —
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

1908

Выпуск № 253

Александр Блок

Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять – любить Её на небе
И изменить ей на земле.

1909

Михаил Лермонтов

Молитва

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С её страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костёр,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,

Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.

1829

Выпуск № 1100

Михаил Лермонтов

Моё грядущее в тумане
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слёзы выжал я;
Как юный плод, лишённый сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

Александр Пушкин

Бывало, в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил – их тайное рожденье
Угодно властным небесам,

На них указывало мненье —
Едва приблизился я к ним
.....

Моё беспечное незнание
Лукавый демон возмутил,
И он моё существование
С своим на век соединил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нём искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды —
Ярмо с гремушками да бич.

1823

[Выпуск № 327](#)

[Осип Мандельштам](#)

Когда удар с ударами встречается
И надо мною роковой,

Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой,

Торопится, и грубо остановится,
И упадёт веретено –
И невозможно встретиться, условиться,
И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются,
И всё быстрее и быстрее,
Отравленные дротики взвиваются
В руках отважных дикарей...

1910, 1927

Александр Блок

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

1909

Выпуск № 193

Владимир Соловьёв

Нет, силой не поднять тяжелого покрыва
Седых небес...
Всё та же вдаль тропинка вьётся снова,
Всё тот же лес.

И в глубине вопрос – вопрос единый
Поставил Бог.
О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог.

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна и видит пред собою
Свою же тень.

1897

Осип Мандельштам

Тёмных уз земного заточенья
Я ничем преодолеть не мог,
И тяжелым панцирем презренья
Я окован с головы до ног.

Иногда со мной бывает нежен
И меня преследует двойник;
Как и я – он так же неизбежен
И ко мне внимательно приник.

И, глухую затаив развязку,
Сам себя я вызвал на турнир;
С самого себя срываю маску
И презрительный лелею мир.

Я своей печали недостоин,
И моя последняя мечта –
Роковой и краткий гул пробоин
Моего узорного щита.

1910

Выпуск № 468

Владимир Соловьёв

Бескрылый дух, землёю полонённый,
Себя забывший и забытый бог...

Один лишь сон – и снова, окрылённый,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, –
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встаёт опять пред чуткою душой.

Один лишь сон – и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

1883

Александр Блок

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далёкая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омрачённой суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвлённая страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

1900

Выпуск № 233

Осип Мандельштам

Медленно урна пустая,
Вращаясь над тусклой поляной,
Сеет, надменно мерцая,
Туманы в лазури ледяной.

Тянет, чарует и манит –
Непонят, невынут, нетронут –
Жребий, – и небо обманет,
И взоры в возможном потонут.

Что расскажу я о вечных,
Заочных, заоблачных странах:
Весь я в порывах конечных,
В соблазнах, изменах и ранах.

Выбор мой труден и беден.
И тусклый простор безучастен.
Стыну – и взор мой победен.
И круг мой обыденный страстен.

1911

Иннокентий Анненский

Тоска кануна

О, тусклость мёртвого заката,
Неслышной жизни маета,
Роса цветов без аромата,
Ночей бессонных духота.

Чего-чего, канун свиданья,
От нас надменно ты не брал,
Томим горячкой ожиданья,
Каких я благ не презирал?

И, изменяя равнодушно
Искусству, долгу, сам себе,
Каких уступок, малодушный,
Не делал, Завтра, я тебе?

А для чего все эти муки
С проклятьем медленных часов?..
Иль в миге встречи нет разлуки,
Иль фальши нет в эмфазе слов?

Максимилиан Волошин

Замер дух – стыдливый и суровый,
Знанием новой истины объят...
Стад я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина –
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятье жизненных вериг –
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

1912

Выпуск № 912

Осип Мандельштам

Когда укор колоколов
Нахлынет с древних колоколен,
И самый воздух гулом болен,
И нету ни молитв, ни слов –

Я уничтожен, заглушён.
Вино, и крепче и тяжеле
Сердечного коснулось хмеля –
И снова я не утолён.

Я не хочу моих святынь,
Мои обеты я нарушу –

И мне переполняет душу
Неизъяснимая полынь.

1910

Михаил Лермонтов

Мой демон

1

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живёт он пищею земной,
Глощает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

1830-1831

Николай Гумилёв

Мой час

Ещё не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет,
Ворона под моим окном
Спросонья шевелит крылом,
И в небе за звездой звезда
Истаивает навсегда.

Вот час, когда я всё могу:
Проникнуть помыслом к врагу
Беспомощному и на грудь
Кошмаром гривистым вскакнуть.
Иль в спальню девушки войти,
Куда лишь ангел знал пути,
И в сонной памяти её,
Лучом прорезав забытьё,
Запечатлеть свои черты,
Как символ высшей красоты.

Но тихо в мире, тихо так,
Что внятен осторожный шаг
Ночного зверя и полёт
Совы, кочевницы высот.
А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,
Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка.

Передрассветный ветерок
Струится, весел и жесток,
Так странно весел, точно я,
Жесток – совсем судьба моя.

Чужая жизнь – на что она?
Свою я выпью ли до дна?
Пойму ль всей волею моей
Единый из земных стеблей?
Вы, спящие вокруг меня,
Вы, не встречающие дня,
За то, что пощадил я вас
И одиноко сжѐг свой час,
Оставьте завтрашнюю тьму
Мне также встретить одному.

1919

Выпуск № 148

Александр Блок

Передо мной – моя дорога,
Хранитель вѣтся в высоте:
То – ангел, ропщущий на Бога
В неизъяснимой чистоте.

К нему не долетают стоны,
Ему до неба – взмах крыла,
Но тайновиденья законы
Ещё земля превозмогла.

Он, белокрылый, звонко бѣтся,
Я отразил его мятеж:
Высоко песня раздаётся, –
Здесь – вздохи те же, звуки те ж.

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

1902

Осип Мандельштам

Пешеход

М. Л. Лозинскому

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот.
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полёт!

И, кажется, старинный пешеход,
Над пропастью, на гнущихся мостках
Я слушаю, как снежный ком растёт
И вечность бьёт на каменных часах.

Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поёт;

Действительно, лавина есть в горах!
И вся моя душа – в колоколах,
Но музыка от бездны не спасёт!

1912

Афанасий Фет

Добро и зло

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – мечта и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаёшь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдёшь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как Бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадёт.

1884

Выпуск № 1240

Осип Мандельштам

Я вздрагиваю от холода —
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото —
Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь,
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай лёгкий мяч!

Так вот она — настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!

Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?

1912, 1937

Александр Блок

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне вручённых не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошёл во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в её чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, – и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода – сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждёшь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невесёлые труды.

1912

Даниил Андреев

из цикла «Тёмное видение»

Русские зодчие строили прежде
За чередой
Стен
Белые храмы в брачной одежде,
Чище морских
Пен.

Кремль неземной в ослепительной славе
Снится порой
Нам,
Вечно спускаясь к плоти и яви,
Как мировой
Храм.

Тих, несказанен и невоплощаем,
Светел, как снег
Гор...
Путь его ищем, тайн его чаем,
Помня, что век
Скор.

Но в глубине, под городом зримым,
Некий двойник
Есть,
И не найдёшь ты о нём, таимом,
В мудрости книг
Весть.

Эти запретные грани и спуски
Вглубь, по тройным
Рвам,
Ведомы только демонам русским,
Вихрям ночным,
Нам.

К этим подземным, красным озёрам
Срыв круговой
Крут:
Бодрствует там – с неподвижным взором,
Как вековой
Спрут.

Тихо Печальница русского края
Рядом с тобой
Шла,
Если прошёл ты, не умирая,
Сквозь этот строй
Зла.

Выпуск № 774

Александр Блок

Сумрак дня несёт печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озарённый,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадёжный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли ангелы в крылах:
Видят – мёртвый и безликий
Вырастает в их лучах.

1901

Осип Мандельштам

В изголовьи Чёрное Распятье,
В сердце жар, и в мыслях пустота, –
И ложится тонкое проклятье –
Пыльный след на дерево Креста.

Ах, зачем на стёклах дым морозный
Так похож на мозаичный сон!
Ах, зачем молчанья голос грозный
Безнадежной негой растворён!

И слова евангельской латыни
Прозвучали, как морской прибой;
И волной нахлынувшей святыни
Поднят был корабль безумный мой:

Нет, не парус, распятый и серый,
В неизвестный край меня влечёт –
Страшен мне «подводный камень веры» *
Роковой её круговорот!

1910

* Тютчев (*прим. О. Мандельштама*)

Даниил Андреев

Вина – во мне. Я предал сам
Твоим подземным чудесам
 Дар первородства,
Сам зачеркнул – когда-то мне
Назначенные в вышине
 Века господства.

Беспечный мальчик, я ступил
За Рубикон крошечных сил,
 Где смерть – услада,
Где величайшее из благ –
Развеять свой духовный прах
 В трясинах ада.

Я полюбил твоих снегов
Лукавый смерч, скользящий зов
 И лёгкость пуха,
Я сам отрёкся от венца
Во имя страстного конца
 Души и духа.

Из камня улиц я исторг
Псалом Блуднице, и восторг
 Был в этом гимне.
Дерзну ль теперь взывать к Христу:
Дай искупить измену ту,
 Жить помоги мне?

1950

Выпуск № 351

Фёдор Сологуб

Что мы служим молебны
И пред Господом ладан кадим!
Всё равно непотребны,
Позабытые Богом своим.

В миротканой порфире,
Осенённый покровами сил,
Позабыл он о мире
И от творческих дел опочил.

И нетленной мечтою
Мировая душа занята,
Не земною, иною, —
А земная пустыня — пуста.

1902

Александр Блок

Забывшие Тебя

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошёл с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушёл из строя,
За мной — толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозových.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1908

Даниил Андреев

Юношеское

Мы – лучи Люцифера, восставшего в звёздном чертоге,
Сострадая мирам, ненавидя, любя и кляня;
Мы – повстанцы вселенной, мы – боги
Легендарного дня.

Смутно помнятся конусы древнего, странного мира –
Угрожающий блеск многогранных лиловых корон,
И, как лава, – озёра эфира,
Наше царство и трон.

Смутно помнится битва: нависшая тягость молчанья,
Шорох млечных шелков – галактический шелест знамён,
Титанический рокот восстанья,
Низвержение – в Закон.

О, впервые тогда первозданная ночь ликовала!
Она взмыла, росла – начинался невиданный век:
Нас тяжелая плоть оковала,
И пришёл Человек.

Вспомни собственный дух в его царственном, дивном уборе!
Цепь раба растопи в беспощадном, холодном огне! –
Так впервые шептал Богоборец
Ранней юностью мне.

1923-1950

К Музе

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеёшься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты – и Муза, и чудо.
Для меня ты – мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами –
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада –
Эта горькая страсть, как полынь!

1912

Даниил Андреев

из цикла «Вехи спуска»

Предоставь себя ночи метельной,
Волнам мрака обнять разреши:
Есть услада в тоске беспредельной,
В истребленье бессмертной души.

Как блаженны и боль, и тревога!
В пустоту, мой удел! в пустоту!
Рокот хриплого, ржавого рога
В вое ветра ловить на лету!

Хлябь рванулась в расщелины веры,
Вихрь, да снежная плещет гроза,
Фиолетовый плащ Эфемеры
Ослепительно хлещет в глаза.

Этой горькой и страшной отраде
Нет равных в подлунном краю!
Ради сумрака, омрака ради
Хмель ликующей гибели пью.

Все святыни отдам за мгновение –
Бросить вызов законам Отца,
Бестелесный клинок преступленья
В ткани духа вонзив до конца.

1926-1950

Фёдор Сологуб

Как я с Тобой ни спорил, Боже,
Как на Тебя ни восставал,
Ты в небе на змеиной коже
Моих грехов не начертал.

Что я Тебе? Твой раб ничтожный,
Или Твой сон, иль просто вещь,
Но тот, кто жил во мне, тревожный,
Всегда пылал, всегда был вещ.

И много ль я посеял зёрен,
И много ль зарослей я сжег,
Но я и в бунте был покорен
Твоим веленьям, вечный Бог.

Ты посетил меня, и горем
Всю душу мне Ты сжег дотла, —
С Тобой мы больше не заспорим,
Всё решено, вся жизнь прошла.

В оцепенении жестоком,
Как бурей разбитый чёлн,
Я уношусь большим потоком
По прихоти безмерных волн.

1922

Выпуск № 824

Александр Пушкин

I

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесёнок, под себя поджав своё копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копчёное корыто,
И лопал на огне печёный ростовщик.
А я: "Поведай мне: в сей казни что сокрыто?"

Виргилий мне: "Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете."
Тут грешник жареный протяжно возопил:
"О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятный!" —

Тут звучно лопнул он – я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале –
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз – и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел чёрный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной –
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра –
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало – и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с её сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком –
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им –
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел – смущением томим.

Александр Блок

Песнь ада

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? – О, где ты, Беатриче? –
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несёт друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнёт молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвётся с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, –
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далёких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там – брошены зияющие маски;
Там – старцем соблазнённая жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплёт окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце – знак таинственного брака –

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
"Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?"

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

"Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, –
Томим волной безумного напева,
С печатью преступления на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной – чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в её зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, неожиданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времён!

И – сомкнутых безмерными цепями –
Нас некий вихрь увлёл в подземный мир!
Окованный навек глухими снами,

Дано ей чужать боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам её атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел – могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, –
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречён в далёком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюблённо и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!"

Выпуск № 1407

Александр Блок

из цикла «Кармен»

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь – перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей – червонно-красным,
И голос – рокотом забытых бурь.

1914

Максимилиан Волошин

из цикла «Два демона»

На дно миров пловцом спустился я –
Мятежный дух, ослушник высшей воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилив могуч.
Лишённый крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил – един в моей цевнице,
Как в радуге – един распятый луч.

1915

Даниил Андреев

**Перед «Поверженным демоном» Врубеля
(из цикла «Вехи спуска»)**

В сизый пасмурный день
 я любил серовато-мышиный,
Мягко устланный зал –
 и в тиши подойти к полотну,
Где лиловая тень
 по трёхгранным алмазным вершинам
Угрожающий шквал
 поднимала, клубясь, в вышину.

Молча ширилась там
 ночь творенья, как мир величава,
Приближаясь к чертам
 побеждённого Сына Огня,
И был горек, как оцет,
 своей фиолетовой славой
Над вершинами отсвет –
 закат первозданного дня.

Не простым мастерством,
 но пророческим сном духовидца,
Раздвигавшим мой ум,
 лиловело в глаза полотно, –
Эта повесть о том,
 кто во веки веков не смирится,
Сквозь духовный самум
 низвергаемый в битве на Дно.

В лик Отца мирозданья
 вонзив непреклонные очи
Всею мощью познания,
 доверенной только ему,
Расплескал он покров
 на границе космической ночи –
Рати млечных миров,
 увлекаемых в вечную тьму.

То – не крылья! То – смерч!..
 Вопли рушимых, дивных гармоний
Потрясённая твердь,

где он раньше сиял и творил –
Демиург совершенный,
владыка в другом пантеоне,
Над другою вселенной,
над циклом не наших светил.

Я угадывал стон
потухающих древних созвездий,
Иссякавших времён,
догорающих солнц и монад,
И немолкнувший бунт
перед медленным шагом возмездья,
Перед счётом секунд
до последних, до смертных утрат...

И казалось: на дне,
под слоями старинного пепла,
Тихо тлеет во мне
тусклым углем – ответный огонь...
Бунта? злобы?.. любви?..
и решимость – казалось мне – крепла:
Все оковы сорви,
лишь на узнике ЭТОМ не тронь.

1950

Выпуск № 568

Александр Блок

Обречённый (из цикла «Снежная маска»)

Тайно сердце просит гибели.
Сердце лёгкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

1907

Даниил Андреев

Пробуждение

Я не помню, кто отпер засовы:
Нет, не ангел, не ты, не я сам,
Только ветер пустынный и новый
Пробежал по моим волосам.

Выхожу на безлюдные стогны.
Облик города мёртв, как погост.
В этажах затенённые окна
Слепо смотрят на крыши и мост.

И всё тише в предместьях дальних,
Всё печальней поют поезда:
Есть укор в их сигналах прощальных,
Удаляющихся навсегда.

Уж метель не засыплет венками,
Не заискрятся пеной ковши:
Будто режущий гранями камень
Кем-то вынут из сонной души.

Ни надежды. Ни страсти. Ни злобы.
Мир вам, годы без гроз, без огня!
Здравствуй, едкая горечь озноба,
Ранний вестник свинцового дня.

1950